

- [Бунин Иван Алексеевич](#)

-

Бунин Иван Алексеевич

В деревне

Иван Алексеевич Бунин
В деревне

|

Когда я был маленьким, мне всегда казалось, что вместе с рождественскими праздниками начинается весна. "Декабрь - вот это зима", думал я. В декабре погода, по большей части, суровая, серая. Рассветает медленно, город с утра тонет в сизом, морозном тумане, а деревья одеты густым инеем сиреневого цвета: солнца целый день не видно, и только вечером замечаешь след его, потому что долго и угрюмо рдеет мутно-красная заря в тяжелой мгле на западе... Да, это настоящая зима!

Я с нетерпением ждал святок. Когда в конце декабря я бегал по утрам в гимназию, видел в магазинах сотни блестящих игрушек и украшений, приготовленных для елок, видел на базаре целые обозы с этими зелеными загубленными для праздника елочками, а в мясных рядах - целые горы мерзлых свиных туш, поросят и битой, ощипанной птицы, я с радостью говорил себе:

- Ну, теперь уж близко праздник! Скоро настоящая зима кончится, и дело пойдет на весну. Я на целые две недели уеду в деревню и буду там встречать начало весны.

И мне казалось, что только в деревне и можно заметить, что начинается весна. Мне казалось, что только там бывают настоящие светлые, солнечные дни. И правда, ведь в городе мы забываем о солнце, редко

видим небо, а больше любимся на вывески да на стены домов.

И вот, наконец, наступал давно желанный, радостный день. Вечером вдруг раздавался звонок в сенях нашей квартиры, я стремглав бежал в прихожую и наталкивался там на высокого человека в большой енотовой шубе. воротник этой шубы и шапка на голове высокого человека были в инее.

- Папочка! - взвизгивал я в восторге.

- Уйди, уйди, я - холодный, - говорил отец весело, и действительно, от него так хорошо пахло морозной свежестью, снегом и зимним воздухом.

Весь этот вечер я не отходил от отца. Никогда я не любил его так, как в эти вечера, никогда не засыпал так сладко!

Я засыпал, упоенный мечтами о завтрашнем путешествии в деревню, и правда - это было веселое путешествие! Поезд быстро бежит среди ровных снежных полей, вагон озарен утренним солнцем. Белый дым волнующимися клубами плывет перед окнами, плавно упадает и стелется по снегу около дороги, а по вагону ходят широкие тени. Свет солнца от этого то будто меркнет, то снова врывается в окна яркими, янтарными полосами... Даже весело то, что в вагоне так много народу, так тесно и шумно!

Но вот и одинокая, знакомая станция среди пустынных полей. Тихо-тихо в полях после грохота поезда! Откинись в задок саней, прикрой глаза - и только покачиваешься и слышишь, как заливаются колокольчик над тройкой, запряженной в протяжку, как визжат и постукивают на ухабах полозья. Коренник сеет иноходью, передние поджарые лошади, пофыркивая, несутся вскачь, комья снега бьют в передок, а около саней, быстро-быстро, как змея, вьется длинный кнут кучера. Обернешься - и кажется, что

полоса дороги выскальзывает из-под полозьев, бежит назад, в ровное снежное поле...

А потом - шагом по занесенным вьюгами лугам, под обрывами с нависшими тяжелыми снегами! Огромными раковинами завиваются внутрь гребни снеговых навесов. Ясно и резко отделяются их чистые, холодные изваяния от фона неба: небо снизу кажется темно-темно-синим! Пристяжные играют, на ходу хватают губами и отбрасывают снег...

- Балуй! - грозно кричит кучер, щелкает кнутом, - и опять постукивают сани на ухабах, и звонко заливаается колокольчик под мерно качающейся дугою...

А между тем уже догорает короткий день; встали лиловые тучи с запада, солнце ушло в них, и наступает тихий, зимний вечер. Над посиневшими снегами залегает к востоку морозная мгла ночи. Сливается с нею вдали снежная дорога, и мертвое молчание царит над степью. Только полозья тихо скрипят по снегу, и задумчиво позванивает колокольчик: лошади идут шагом. Овсянки бесшумно перелетают перед ними по дороге... Мужик на розвальнях пристал за нами где-то на перекрестке, и заиндевшая морда его шершавой, низенькой и бокастой лошадки, которая трусит рысцой за нашими санями, равномерно дышит теплым паром в мой затылок.

- Не наезжай! - раздается иногда голос нашего кучера среди мертвого молчания поля.

И мужик тоже что-то покрикивает, соскакивает на раскатах и снова бочком, на бегу, вваливается в свои дровни.

А кругом все темнеет и темнеет, и уже ночью въезжаем в знакомое село. Ночь темная, но звездная; мелкие звезды содрогаются острыми синими огоньками, крупные блещут переливчатым блеском разноцветных камней. На селе еще краснеют кое-где оконца в смутно

чернеющих избах... В чистом, морозном воздухе звонко отдаются скрип порот или лай собачонки...

И чувство глубокого довольства и покоя наполняет душу, когда, наконец, медленно въезжаешь на сугроб перед крыльцом освещенного и теплого "деревенского домика!

II

- Но где же весна-то? - спросите вы.

А разве не весеннее радостное чувство наполняло душу на весь этот веселый, солнечный день нашего путешествия в деревню? Разве не с весенним чувством открывал я глаза, проснувшись на другое утро в детской?

В больших комнатах нашего старинного дома с утра всегда стоял синий полусумрак. Это оттого, что дом был окружен садом, а стекла окон сверху донизу зарисовал мороз серебряными пальмовыми листьями, перламутровыми, узорчатыми папоротниками. Еще до чаю я успевал обегать все комнаты, осмотреть все эти рисунки, сделанные морозом за ночь, и даже - побывать в сенцах, где стоят лыжи.

- Папа, я пойду покатаюсь немного, - робко говорил я отцу тотчас после чаю.

Отец пристально смотрел на меня и с улыбкой отвечал:

- Ах ты, дикарь этакий! Настоящий вогул! Ведь еще холодно, нос отморозишь.

- Я только на минутку...

- Ну, если так, - беги!

- Я вогул, я вогул, - кричал я, подпрыгивая от радости и поспешно снаряжаясь в путь.

Резкий, морозный воздух так и охватит всего, когда выйдешь из дому. За садом еще холодно краснеет заря. Солнце только что выкатилось огнистым шаром из-за снежного поля; но вся картина села уже сверкает яркими и удивительно нежными, чистыми красками

северного утра. Клубы дыма алеют и медленно расходятся над белыми крышами. Сад - в серебряном инее... Туда-то мне и нужно! И, став на лыжи, окруженный гончими, я спешил забраться в самую чащу, где можно с головой утонуть в снегу.

- Я вогул! - кричал я собакам, пробираясь по пушистому снегу к пруду под садом.

Там, на старых ракетах, до полудня держится густой, махровый иней. Весело отряхнуть его и почувствовать, как он осыпает лицо своим холодным пухом! А еще веселее смотреть, как на пруде работники прорубают проруби и баграми вытаскивают из воды огромные льдины. Словно квадраты светлых горных хрусталей, сияют они на солнце, играя зеленоватыми и синими переливами...

К обеду солнечный день окончательно разыгрывается. С навеса крыльца падают капли. Как слонобая кость, блестят по деревенскому выгону отшлифованные ухабы дороги.

"Весна, весна близко!" - думаешь, прикрывая глаза под лаской солнца.

И весь день не хочется уходить со двора! Все радует. Забрeдeшь ли на двор, где около яслей дремлют, изредка глубоко вздыхая и раздувая бока, меланхоличные коровы, бродят похудевшие за зиму лошади и жмутся в кучу овцы; пройдешь ли на гумно и слышишь по дороге, как возятся и трещат воробьи в кустах акаций, как они вдруг снимаются всей своей шумной стаей и дождем, сыплются на крышу риги, - все радует... А на гумне, в затишье скирдов и соломенных валов, забитых снегом, особенно уютно. Хорошо полежать под солнцем в омете, в соломе, которая так резко пахнет мышами и снегом!

И весь праздник проходил у меня в этом очаровании солнечными днями, в светлых грезах о близкой весне. Забудeшь, бывало, об уроках, забудeшь даже лыжи, и

все сидишь в освещенной солнцем зале, все глядишь на далекие, снежные поля, которые уже блестят по-весеннему золотистой слюдою крепкого наста.

III

- Ну, не скучай смотри, - говорил отец, когда, наконец, меня снова снаряжали в город. - Теперь и не увидишь, как наступит весна. Каких-нибудь два месяца, а там и святая, и лето. Приедешь тогда, - жеребчика верхового тебе подарю, будем верхом вместе ездить, за перепелами ходить...

Мне было очень грустно покидать родной дом, но я вполне соглашался с отцом: теперь уж скоро весна!

- А ведь правда, папа, совсем весной пахнет! - говорил и я, когда утром мы садились в сани, переваливались в воротах через высокий сугроб, набитый вчерашней метелью, и глубоко вздыхали свежим ветром с запахом молодого снега.

- А ты любишь весну? - спрашивал отец с улыбкой.

- Люблю, папа! Очень люблю!

- А деревню любишь?

- Конечно, люблю...

- Это хорошо, - прибавлял отец. - Когда ты вырастешь, ты поймешь, что человек должен жить поближе к природе, любить родные поля, воздух, солнце, небо... Это неправда, будто в деревне скучно. Бедности в деревне много - вот это правда, и, значит, надо делать так, чтобы было поменьше этой бедности, помогать деревенским людям, трудиться с ними и для них... И хорошо можно жить в деревне!

- "Правда, правда! - думаю я. - В городе даже весной не пахнет. А вот тут пахнет. И проруби вон уже почернели, оттаивать стали...".

Мы проезжаем по большому селу над рекою, и я спешу наглядеться на все деревенское.

Кругом чернеют среди сугробов грязные избы; но скоро сугробы растают, и даже эти бедные избы станут

чистенькими и веселыми. Да и теперь весело в них, особенно в тех, кирпичных, где живут зажиточные семьи. И с каким удовольствием входил я в такую избу, когда мы останавливались покормить лошадей!

В кирпичных избах у богатых мужиков всегда сырой угар зеленоватым паром стоит в теплом воздухе, на полу - мокрая солома, но всегда аппетитно пахнет хлебами, народу много, и все за работой: кто отрывисто гудит тетивой, которая бьет и вздымает пушистую белую "волну"; кто чинит хомут, с внезапной решительностью раздергивая в разные стороны пропущенную в кожу дратву; а бывалый человек, портной, в жилетке, утыканной иголками, и с мотком ниток на шее, забавляет всех рассказами. Сидя на конике, скорчившись, - одна нога под себя, а колено другой поднято почти к самому лицу, - и ухитряясь держать большим пальцем босой ноги край сукна иди овчины, он пристально шьет, но говорит не смолкая и при этом задумчиво улыбается веселыми, умными глазами, встряхивая со лба волосы и вдевая на свет нитку в иголку. И все глядят на него дружелюбно. Он везде свой человек, Даже для детей, которых он нянчит по вечерам на руках, дает им брать себя за бороду, а потом вдруг щелкнет зубами, гамкнет, как собака, и схватит ртом детскую ручонку, отчего ребенок, с замиранием сердца ждавший, шутки, радостно взвизгивает и заливается смехом.

Я уже не раз видал его, и теперь смотрю на него с большим любопытством. Но пора ехать. Мы прощаемся с хозяевами и выходим на крыльцо. Хозяин, который пас провожает, стоит на крыльце в шапке, но в одной рубахе, смотрит на меня и, улыбаясь, говорит:

- Что ж, барчук, теперь, значит, до весны в город?
- До весны, - говорю я, - да ведь весна скоро!
- Скоро, скоро! - соглашается мужик.

Мы опять едем мимо черных сельских изб, по буграм, с которых катаются мальчишки на ледяшках, по лугам, где на высоких лозинах качаются грачиные гнезда, а около горбом выросших краев проруби бабы бойко полощут белье в темной студеной воде и звонко переговариваются...

Но уже и село кончилось. Впереди только поле, белая пелена пушистого снега. Сколько его набило за ночь в лощинах!.. В поле опять стало ветрено; ветер заносит в сторону гривы и хвосты лошадей, дорога тяжкая; но лошади застоялись, они как будто рады ветру и простору полей и быстро несут нас вперед... Небо сплошь закрыто облаками, вдалеке чернеет лесок.

"Оттепели начались", - думаю я.

И мне представляется, как теперь надолго пойдут эти серые дни, когда на межах в пустой степи уныло качается прошлогодняя полынь от ветра. Но все-таки весна близко! Этот же ветер скоро станет теплее, а когда наступит март, - шумно и весело пойдет он по березовым лесам в блеске весеннего солнца, пробуждая природу от зимнего сна. А потом загремят по оврагам полые воды, налетят с далекого юга птицы, зазеленеют поля...

Хорошо в полях!

1897